

Всюду кровь — на одежде, на брюках, везде! Белая ткань, которой накрыли тело, пропиталась насквозь, и алые пятна расплзались по ней.

Затем руки, бледные, словно у мертвеца, показались из-под простыни. Ногти, отросшие после смерти, впились в предплечье Ван Цзяня, раздирая кожу.

А потом и сам он начал истекать кровью, словно пробитый кожаный бурдюк, стремительно теряя силы.

— А-а-а!

В три часа ночи Ван Цзянь в ужасе вскочил с постели.

Он был весь в поту, будто его только что вытащили из воды. Липкое ощущение на коже невольно напомнило о крови.

— Прочь от меня... отойди!

Сначала он обхватил голову руками, слабо всхлипывая, но уже в следующую секунду впал в ярость.

— Бах!

Ночная лампа и компьютер с тумбочки полетели на пол, разлетевшись вдребезги.

Ван Цзянь, схватившись за рану, которая разошлась от резкого движения, глухо зарычал от боли.

— Черт... сдох и сдох, какого черта ты цепляешься ко мне...

Прошло три дня с тех пор, как он совершил ту роковую ошибку на операции. Его спрятали здесь, но он никуда не выходил.

У Юн каждый день присылал людей к дому его родителей. Десяток хулиганов с плакатами устроили такой шум, что об этом написали в газетах.

Из-за этого отец звонил ему больше десяти раз, поливая бранью, и в конце концов Ван Цзянь в ярости просто заблокировал всех.

Теперь он скрывался здесь с Ли Сюнем, в доме, который когда-то собирался подарить своей любовнице.

Тяжело дыша, он провел рукой по лицу, забинтованному после травмы, и наконец вспомнил, что в доме есть еще один человек.

Придерживая живот, который У Юн до синяков отбил пинками, он направился в комнату Ли Сюня.

Он не стал включать свет. В темноте его глаза, полные холодной ярости, поблескивали, словно у хищного зверя.

Ли Сюня привезли сюда в спешке и сразу отобрали все средства связи. Когда тот попытался устроить истерику, Ван Цзянь отвесил ему две пощечины.

К тому же, за три дня в этом доме Ли Сюнь уже успел усвоить урок.

Когда Ван Цзянь стащил его с кровати, тот в испуге схватил пепельницу, спрятанную под подушкой, и швырнул в него.

— Ван Цзянь, Ван Цзянь! Не вынуждай меня, не вынуждай... У меня кое-что есть, лучше держись от меня подальше!

Он визжал, забиваясь в угол, а пепельница в его руках была испачкана кровью — той самой, что потекла из головы Ван Цзяня.

— Ах ты тварь! Еще и смеешь бить меня!

Ван Цзянь в приступе ярости хлестнул Ли Сюня плеткой, а пока тот с криками уворачивался, вырвал пепельницу и швырнул ее прочь.

Глухой стук пепельницы о пол стал последней каплей для натянутых нервов Ли Сюня.

Он, плача, пополз к Ван Цзяню и, обхватив его за талию руками, покрытыми синяками и следами от плетки, зарыдал:

— Я был неправ! Прости меня! Не стоило мне кидаться пепельницей, и про Лю Вэня я не должен был говорить.

Его тонкое, женственное лицо было залито слезами, он задыхался от рыданий.

Но Ван Цзянь не знал жалости. Он сжал подбородок Ли Сюня, повалил его на пол и потащил в кабинет.

— Нет, нет! Я не хочу туда! Отпусти меня!

Ли Сюнь отчаянно сопротивлялся, пинаясь и вцепившись свободной рукой в дверной косяк, пытаясь удержаться.

Ван Цзянь с усмешкой разжал его пальцы. Раздался сухой хруст — кости тонких, пианистических пальцев не выдержали его хватки.

— Тоже решил пойти против меня? А? — Ван Цзянь усадил Ли Сюня на стул с ремнями и, несмотря на сопротивление, намертво зафиксировал его руки и ноги.

— Ты, У Юн, Лю Вэнь — все вы против меня! Вы не даете мне жить спокойно, так и я вам не дам!

Кожаная плетка, смоченная в соленой воде, опустилась на тело Ли Сюня, и тот взвыл от боли, как резаный.

— А-а! Я больше не буду! Прости!

Ван Цзянь приподнял плеткой его подбородок и проговорил, глядя в заплаканное лицо:

— Не спеши просить прощения. В этом доме отличная звукоизоляция, мы успеем как следует повеселиться...

— Старый господин Ван, акции компании упали уже на четыре пункта! Старые акционеры из совета директоров оборвали все телефоны!

— Люди, которые устроили беспорядки у вашего дома, никуда не ушли. В сети полно постов о том, что старший господин сбежал от правосудия из-за провальной операции!

Старый господин Ван с грохотом швырнул папку с документами перед Ван Сюем, несколько листов даже ударили того по лицу.

— Это ты так решил проблему с постами?! — в ярости гремел старик. — В сети пишут, что он преступник в бегах! Кто дал им право решать, виновен он или нет?

Они вешают ярлыки на моего сына! Полиция даже не заявляла, что он скрывается, с чего эти пользователи так разошлись? Совсем страх потеряли!

Ван Сюй молча подобрал рассыпавшиеся бумаги, сложил их в папку и снова протянул отцу.

— Отец, семья У Юна подняла слишком много шума. Они наняли ботов, выводят темы в топ.

Они связали дело брата с нашей Корпорацией Ван, и теперь наша репутация под ударом. Сяо У сказал мне, что к офису уже подтягиваются недовольные.

Корпорация Ван занимается строительными материалами и недвижимостью, где честное имя — залог успеха. Из-за выходки Ван Цзяня многие поставщики, с которыми уже были подписаны предварительные соглашения, требуют расторжения контрактов.

Акции стремительно падают, и теперь репутация компании пахнет так же дурно, как и репутация Ван Цзяня.

— Неужели все так плохо? — Старый господин Ван опустился в кресло с резной спинкой и удрученно поправил галстук. — Старший сын умеет создавать проблемы. Нас еще никогда так не поливали грязью.

Он вздохнул. Сердце не могло смириться с тем, что его первенец страдает где-то на чужбине. Он махнул рукой, приказывая помощнику выйти.

— Твоему брату сейчас несладко. Сходи к нему, узнай, чего ему не хватает, и передай все необходимое.

Он врач, он не понимает этих торговых интриг. Конечно, он виноват, но нельзя же винить его во всем.

Он протянул Ван Сюю банковскую карту. Морщины на его лице в этот момент словно стали глубже.

— Твоя мать плачет целыми днями. Скажи брату, чтобы перезвонил ей.

Ван Сюй слушал его, сжимая в руке карту, и молчал.

Почему, будучи одним и тем же отцом, он всегда так суров к нему самому? Старший сын устроил такой бардак, а отец не о потерях компании печется, а лишь о том, уютно ли его

любимчику в его любовном гнездышке!

Он сжал карту так, что края, казалось, готовы были порезать ладонь до крови.

— Я же говорил тебе, что это будет головная боль. Разве ты не подготовился морально?

Сун Жуйчжи, разговаривая по телефону с Ван Сюем, раскрашивал анатомические наброски Лю Вэня. Из-за того, что цвет не получался, он был не в духе.

546 рядом держал палитру, смешивая краски заново.

Голос Ван Сюя в трубке звучал устало:

— Я знаю. Просто хотел спросить, откуда ты знал, что операция Ван Цзяня закончится провалом?

Откуда знал?

Это был подтекст: спрашивал ли он, как это связано с ним, или хотел узнать, как именно он подстроил эту ошибку.

Наступила тишина, длившаяся секунд пятнадцать. Оба молчали.

Сун Жуйчжи, глядя на испорченный набросок, обессиленно откинулся на спинку стула и обхватил себя руками, уткнувшись лицом в грудь.

— Ты не так понял. Я врач, мои руки никогда не были в нечистой крови. Разумеется, после того как наше сотрудничество с тобой закончилось, то, что делает Лю Вэнь — его личное дело.

Ван Сюй не стал вникать в его слова о Лю Вэне, не обратив внимания на раздвоение личности в речи собеседника.

Он лишь пожалел, что запись этого разговора не принесла никакой пользы.

Он надеялся найти слабое место, но этот человек был слишком осторожен, не оставляя ни единого шанса.

— Кстати, спасибо за банковскую карту, которую ты прислал пару дней назад. Ты мне очень помог.

Ранее Ван Цзянь отобрал у него должность заведующего отделением, вручив карту прямо при главвраче.

Сун Жуйчжи тогда не взял ее, но уже на следующий день новая карта была доставлена курьером в больницу.

Карта была новой, на имя Ван Сюя, с миллионом на счету.

Мужчины, которые умеют быть внимательными и услужливыми, всегда нравятся — по крайней мере, враждебность к ним куда меньше.

— Рад, что помогло.

— В качестве ответной любезности скажу: если хочешь, чтобы старый господин Ван сдвинулся с места, тебе стоит поторопиться.

Сун Жуйчжи окунул кисть в новый цвет сердечной артерии, смешанный 546-м, нанес мазок на бумагу и удовлетворенно кивнул.

Он улыбнулся:

— Дальше будет только хуже. Надеюсь, ты действительно сможешь выбраться из руин, как сам того хотел.

Повесив трубку, он вернулся к раскрашиванию сердца. Глубокий красный цвет сделал его таким живым, будто оно вот-вот застучит прямо на бумаге.

Закончив, он некоторое время разглядывал рисунок.

— Похоже на перезрелый помидор, — сказал он 546-му. — Слишком налитой, сока внутри уже мало. По крайней мере, для помидора это именно так.

546: Любители томатов выражают решительный протест твоему поведению.

Сун Жуйчжи пожал плечами, снова взял кисть и одним широким движением перечеркнул свежий рисунок, уничтожив его.

— Помидор не должен быть перезрелым, а сердце не должно биться слишком ровно. Это портит всю картину.

Он отнес палитру и стакан с кистями к раковине. Столько цветов смешалось вместе, превратившись в мутную черноту.

546 помогал ему мыть палитру. Вода была слишком холодной — этот проклятый носитель даже руки не хотел мочить, лишь эксплуатировал систему.

— Завтра в час дня выложи то видео. Нужно еще больше подогреть интерес, подбросим дров в огонь.

Он прислонился к стене с равнодушным видом, казалось, ему даже скучно.

Такой переполох, а он ни капли не волнуется, только и делает, что занимается всякой ерундой.

Последние дни он даже не встречался со Ши Юем, отсиживаясь в доме родителей Лю Вэня.

В больнице тоже было беспокойно, да и его самого не отпускали — журналисты и пользователи сети только того и ждали. В итоге ему дали длительный отпуск, заперев дома.

546 мыл палитру и, не поднимая головы, спросил:

— Час дня подойдет? Люди как раз поедят и будут убивать время просмотром.

— А-а... видео такое непристойное, что делать, если их стошнит от увиденного?

546 повернулся, в его глазах промелькнул поток синих данных, и он уставился на него рыбьим взглядом:

— Брось. Когда ты это говоришь, злорадство так и прет.

Сун Жуйчжи обиженно захлопал ресницами:

— Ты опять на меня злишься. Ты меня совсем не любишь.

— Можно еще приторнее? Меня сейчас стошнит.

— Стошнит? Чем? Набором двоичных нулей и единиц?

Сун Жуйчжи насмешливо посмотрел на него:

— Помилуй, ты ведь даже не человек.

— Не говори с этим акцентом! В следующий раз не буду ничего за тебя мыть! Заморозить бы тебя, паршивца!

— Не надо, я был неправ, прости. Разве я не твой любимый маленький котик?

— Не подлизывайся, я этого не вижу!

— Твое сердце тверже камня...

На следующий день ровно в час дня видео продолжительностью почти пятьдесят минут вновь взорвало общественное мнение!

<http://bllate.org/book/21598/2226882>